

Лазурному Дракону в одиночку и улетела без единой царапины, победив его... тогда слухи о ее победе над Шэнь Тяньшу внезапно стали намного более правдоподобными.

Чжоу Фэй сухо сказала:

- Моя мать забьет меня до смерти.

Се Юнь посмотрел на нее с крыши экипажа:

- Удивительно – я не могу поверить, что ты все еще способна думать о своей матери в такое время. Ты действительно не знаешь, как устроен этот мир, не так ли? Фэй, позволь мне дать тебе несколько советов: с этого момента, пожалуйста, держись как можно тише и не ввязывайся ни в какие драки, умоляю тебя. Прежде чем ты вернешься в 48 крепостей, притворись мертвой, насколько сможешь, и оставь этих распространителей слухов заниматься своим делом. До тех пор, пока ты не покажешься и не попадешь в еще какие-нибудь неприятности, они забудут всё это через некоторое время.

Но заботы Чжоу Фэй лежали в другом месте. Когда даже Ли Цзиньжун заявила, что сама по-настоящему не овладела Снежной Саблей, как могла Чжоу Фэй, которая изучила ее лишь немного, позволить другим называть ее «потомком»? Ей казалось, что она навлекает позор на головы своих предков. Поэтому она фыркнула в ответ, и это было самое близкое, что она могла придумать, чтобы согласиться с Се Юнем.

Возможно, из-за того, что они недавно пережили изрядную долю головокружительных приключений, следующие несколько недель были положительно спокойными.

Се Юнь закончил свою абсурдную новую оперу, в то время как Чжоу Фэй наконец-то привыкла управлять экипажем, а У Чучу все больше избавлялась от запретов приличной молодой барышни. И, возможно, это было внезапное давление от всех этих слухов о ней, но, подобно ученику, сжигающему масло в полночь накануне экзамена, Чжоу Фэй отчаянно использовала каждый час бодрствования, чтобы попрактиковаться в технике Снежной Сабли, в постоянном страхе, что кто-то может заставить ее в любой момент сдать «экзамен».

Она даже не делала перерывов на еду. Она часто пристально смотрела перед собой, когда ела, не мигая, глядя на кончики своих палочек для еды.

Однажды Се Юнь помахал палочками для еды перед ее лицом: «Эй...»

Повернув запястье, Чжоу Фэй взмахнула своей деревянной палочкой для еды, как саблей, исполняя технику «Разделяющее Море». Палочки для еды Се Юня раскололись прямо надвое.

Се Юнь: «...»

У Чучу больше не могла этого выносить, воскликнув: «Это нехорошо - разговаривать во время еды, и это не значит, что нужно драться!»

Чжоу Фэй на самом деле не слишком старалась скрыть свои навыки во время путешествия сюда. В конце концов, никто бы не догадался, что так называемый «потомок Клинка Юга» был просто обычной молодой девушкой - во все более фантастических слухах о ней, которые они слышали по пути, она превратилась из «мускулистой героини, владеющей саблей» в «зеленомордого, клыкастого монстра, который мог убить медведя одним ударом».

Они мирно и без приключений добрались до города Шаоян, где все трое устроились на отдых. К тому времени, как они добрались, Се Юнь внес последние штрихи в свою новую оперу, которая называлась «Крик галки\*».

\*при использовании в китайской поэзии галка часто символизирует холодную и одинокую жизнь поэта. Поэт сравнил бы себя с галкой, чтобы выразить свои чувства одиночества и печали.

Вечером Се Юнь решил придать себе совершенно новый вид, приклеив маленькие усики на верхнюю губу и добавив несколько морщин на лицо. Когда он отвернулся от зеркала и посмотрел в лицо Чжоу Фэй, он превратился из щеголеватого молодого господина в ученого средних лет, жалующегося на тяготы жизни. Это было так, как если бы он полностью изменил облик.

Се Юнь со скрипом поправил воротник, на его лице появилось кислое, измученное выражение:

- Этот старик - «Тысяча лет страданий». Что скажешь?

Чжоу Фэй честно ответила:

- Ты выглядишь настолько кисло, что если уляжешься в блюдо, я уверена, из тебя выйдет превосходный соус с уксусом, в который я смогу макать пельмени.

Се Юнь помахал своим веером над ее макушкой:

- У тебя нет манер, девочка, как ты можешь так говорить со старым человеком?

Чжоу Фэй отмахнулась от его руки.

Это был бы не первый раз, когда она притворялась чьей-то служанкой. Когда она сделала это для старой госпожи Ван, это положение даже дало ей место в экипаже. Но в то время как для пожилой госпожи было вполне нормально сопровождение молодой служанкой, для угрюмого старика, у которого на лице было написано «Я художник с большой буквы», брать с собой молодую девушку, куда бы он ни пошел... Разве это не пахло скандалом?

Хорошо зная о ее сомнениях, Се Юнь спросил с притворным удивлением:

- Ты действительно думала, что Тысяча Лет Страданий был правильным и достойным человеком? В этой стране, должно быть, тысячи ученых. Если бы я не писал непристойные оперы, как бы я выделялся из массы?

Чжоу Фэй: «...»

Се Юнь озорно поманил ее:

- Было бы неудобно брать с собой такую приличную молодую барышню, как барышня У, чтобы продавать мои оперы. Но как насчет тебя? Хочешь пойти со мной и расширить свой кругозор?

Чжоу Фэй не думала, что это такая уж хорошая идея. Несмотря на то, что сабля в ее руке уже пролила много крови, она все еще чувствовала, что общение с человеком, который зарабатывал на жизнь написанием скандальных опер, не пойдет на пользу ее репутации.

- Так ты идешь? – спросил Се Юнь. - Если нет, то я пойду сам.

Чжоу Фэй лишь на мгновение изобразила подобие скромности, прежде чем без слов последовать за ним.

Создавалось ощущение, что Се Юнь был очень хорошо знаком с городом Шаоян – он, казалось, чувствовал себя как дома, куда бы ни шел, указывая ей на различные достопримечательности и рассказывая о них, настолько, что Чжоу Фэй наполовину подозревала, что он всё это выдумывает. Видя, как он с легкостью преодолевает очередной отрезок извилистых переулков, Чжоу Фэй, наконец, решилась спросить:

- Как вышло, что ты так хорошо знаком с этим местом?

Се Юнь серьезно ответил:

- Я уже просил милостыню на этих улицах раньше.

- Ты... что?

- Когда я был молод, мой учитель считал меня слишком избалованным и хрупким. Поэтому, чтобы закалить меня, он отказался учить меня боевым искусствам, вместо этого отправив меня на улицу без единой монеты в кармане, чтобы просить милостыню в течение трех лет. Он сказал, что если мне удастся пережить эти три года и не умереть с голоду, он научит меня набору навыков, которые я смогу использовать для защиты своей жизни. Ну, сначала я пытался вступить во Фракцию Нищих, но не совсем поладил с ними. Несмотря на то, что

Фракция Нищих утверждает, что она добрая и честная, на самом деле в этой группе довольно много подонков, причем более сильные нищие часто издеваются над более слабыми. Поскольку они были так негостеприимны, у меня не было другого выбора, кроме как взбунтоваться, и я побрил голову, чтобы вместо этого стать монахом. Хотя в этом мире есть много фальшивых монахов, в целом они, по крайней мере, немного благороднее нищих. Некоторые из этих ребят даже знают, как прочесть несколько сутр. И я обнаружил, что гораздо легче просить милостыню таким красивым и харизматичным, как я...

Мгновенно отбросив это как чепуху, Чжоу Фэй закатила глаза:

- Верно... разве твой учитель и вся его семья не были бы обезглавлены за то, что заставили великого принца Дуаня пройти через все это?

Се Юнь радостно и нелепо усмехнулся с этим кислым лицом ученого, а затем притворно вздохнул:

- Ты сама спросила меня об этом, но ты не веришь мне даже после того, как я говорю тебе правду... ах, женщины.

<http://tl.rulate.ru/book/33015/2352885>